

# ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

## НЕОБХОДИМОСТЬ, СЛУЧАЙНОСТЬ И СВОБОДНАЯ ВОЛЯ

**Я. А. Слинин**

В пятой книге своего трактата «О Граде Божиим» Августин Блаженный касается вопроса о предведении Божиим. По его мнению, «признавать, что Бог существует, и в то же время отрицать в нем предведение будущего, чистейшее безумие»<sup>1</sup>. О себе самом Августин говорит: «мы, со своей стороны, как исповедуем высочайшего и истинного Бога, так исповедуем и Его высочайшую волю, власть и предведение»<sup>2</sup>.

Слова епископа Иппонийского вполне понятны и естественны: ведь с точки зрения христиан всеведение — это один из неотъемлемых атрибутов Бога. Но если Бог всеведущ, то Он должен ведать и все то, что произойдет в будущем. Так что для христианина положение о том, что Бог обладает предведением будущего, — это аксиома. Казалось бы, тут нечего добавить и не о чем спорить. Однако если данное положение принять, то возникает одна трудноразрешимая проблема.

Проблема эта встает перед христианами, но аналогичная проблема встает и перед язычниками. Августин обсуждает ее в полемике со стоиками и с Цицероном. Он обращает сугубое внимание на то, как Цицерон говорит о ней в трактатах «О природе богов» и «О дивинации». Августин пишет: «Мы не боимся свои добровольные действия признать не добровольными потому, что знал наперед, что мы так будем делать, Тот, кого предведение обмануть не может. Этого боялся Цицерон, когда отвергал предведение; этого боялись и стоики, когда утверждали, что не все делается по необходимости, хотя и доказывали, что все бывает по определению судьбы»<sup>3</sup>.

Здесь четко сформулирована проблема: как совместить положение о том, что Богу (или богам) наперед все известно о будущем, с положением о том, что человеческая воля свободна? И Цицерон, и стоики полагали, что эти два положения несовместимы. При этом Цицерон настаивал на том, что человеческая воля свободна, тотального же предведения не существует, а стоики полагали, что свободы воли не существует, поступки же как людей, так и богов определяются судьбой, подобно тому как явления неодушевленной природы определяются естественной необходимостью. Что касается Августина, то он не считал упомянутые положения несовместимыми.

---

<sup>1</sup> Блаженный Августин. О Граде Божиим в 22 книгах. Т. 1. М., 1994. С. 250.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

Но прежде чем начать разбираться в том, почему он придерживался такого мнения, рассмотрим более обстоятельно то, что волнует Цицерона и стоиков в связи с обозначенной проблемой.

Августин спрашивает себя, что же опасного находил в предведении будущего Цицерон, и отвечает на свой вопрос следующим образом: «А то, что если все будущее предузнано, то оно совершится в том порядке, в каком по предведению имело совершиться; а если совершится в этом порядке, то для предведения Божия существует определенный порядок вещей; если же существует определенный порядок вещей, то существует определенный порядок причин: ибо не может же случиться что-нибудь такое, чему не предшествовала бы какая-нибудь вызвавшая его причина; а если существует определенный порядок причин, от которого происходит все, что происходит, то, говорит он, определением судьбы бывает все, что ни бывает. Если же это так, то в нашей власти нет ничего, и произвола свободной воли не существует; а если допустим последнее, говорит он, то вся человеческая жизнь ниспровергается: напрасно издаются законы, напрасно употребляются порицания, похвалы, укоризны, увещания; нет никакой справедливости в том, что установлены добрым награды, а злым наказания. Чтобы не вышло таких нежелательных, нелепых и губительных для человеческой жизни последствий, он не хочет допускать предведения будущего; и ставит религиозную душу в необходимость выбирать одно из двух: или некоторую свободу нашей воли, или существование предведения будущего. Вместе то и другое, по мнению его, существовать не может. <...> И вот он, как муж великий и ученый, и относящийся к человеческой жизни с величайшею о ней заботливостью и опытною мудростью, выбирает со своей стороны свободу человеческой воли; и чтобы признать ее существование, отвергает предведение будущего»<sup>4</sup>.

Желая еще лучше разъяснить суть дела, Августин добавляет: «Обратный порядок этих выводов таков: если существует свобода воли, то не все совершается по определению судьбы; если не все бывает по определению судьбы, то не существует определенного порядка причин; если же нет определенного порядка причин, то для предведения Божия не существует определенного порядка вещей, в котором они могут существовать только под условием причин, предшествующих им и вызывающих их; а если для предведения Божия не существует определенного порядка вещей, то не все происходит так, чтобы Он знал наперед, как оно произойдет; затем, если не все происходит так, чтобы Он знал, как оно произойдет, то, говорит он, предведения всего будущего в Боге не существует»<sup>5</sup>.

Августин вполне адекватно передает то, о чем говорит Цицерон в трактатах «О природе богов» и «О дивинации». Видим, что с точки зрения последнего предведение всего будущего Богом (или богами) возможно тогда и только тогда, когда все полностью предопределено, когда существует всеобщий, не имеющий исключений порядок причин и следствий. В приведенных цитатах из трактата «О Граде Божиим» такой порядок называется судьбой: подразумевается, что судьба — это не только причинно-следственная упорядоченность всех явлений неодушевленной природы, но и такая же упорядоченность всех человеческих поступков. Если такого рода «судьба» имеет

---

<sup>4</sup> Там же. С. 250–251.

<sup>5</sup> Там же. С. 252.

место, то Богу (или богам) так же легко предсказать, например, что Юлий Цезарь будет убит в мартовские иды 44 г. до н. э., как предсказать дату очередного лунного или солнечного затмения. Примерно так понятие судьбы трактовали и стоики.

Стоики полагали, что судьба правит миром; она управляет не только природными явлениями, но и поведением людей и даже самих богов. Подобная точка зрения, каковая иногда именуется фатализмом, свойственна не только стоикам. Она встречается не только в античности, но и в другие времена и у других народов. В новое время она фигурирует под именем «абсолютного детерминизма». Такого рода детерминизм исповедовал, например, Спиноза.

Ясно, что абсолютный детерминизм не допускает даже намека на свободную волю. Ведь воля потому и называется свободной, что результат ее действия невозможно заранее предсказать. В само понятие свободной воли входит непредсказуемость ее действий.

Цирюльник Иван Яковлевич, один из персонажей повести Гоголя «Нос», однажды утром был поставлен перед выбором, что ему получить на завтрак: кофий или же горячий хлеб. И еще за секунду до того, как он заявил «Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофий, а вместо того хочется мне съесть горячего хлеба с луком», никто, в том числе и он сам, не мог сказать, что он выберет: кофий или хлеб. Тут действовала его свободная воля: в последнюю секунду он мог передумать и выбрать кофий, а не хлеб.

Однако сторонники абсолютного детерминизма утверждают, что свобода выбора — это чистая иллюзия, что имеются причины, о которых мы не знаем, но которые известны всеведущему Богу, и эти причины заставляют сделать выбор столь же однозначно, сколь нагревание до 100° заставляет воду закипеть. В соответствии с их точкой зрения именно подобного рода причины побудили цирюльника Ивана Яковлевича предпочесть хлеб кофию, и иначе быть не могло.

Артур Шопенгауэр в своем трактате «О свободе воли» пишет: «При предположении свободной воли всякое человеческое действие было бы необъяснимым чудом — действием без причины»<sup>6</sup>. Но чудес, по его мнению, не бывает; никакой свободной воли нет, а есть вот что: «Как всякое действие в неодушевленной природе есть необходимый продукт двух факторов, именно проявляющейся здесь всеобщей *силы природы* и вызывающей здесь это проявление отдельной *причины*, совершенно так же всякое деяние человека бывает необходимым продуктом его *характера* и присоединившегося *мотива*»<sup>7</sup>. Ведь «все мотивы — причины, а всякая причинность сопряжена с необходимостью»<sup>8</sup>. Шопенгауэр резюмирует: «Ожидать, стало быть, чтобы человек при одном и том же поводе один раз поступил так, другой же совершенно иначе, было бы равносильно ожиданию, что одно и то же дерево, принеся этим летом вишни, на следующее произведет груши»<sup>9</sup>.

Вернемся, однако, к Цицерону. Разделяя взгляды Карнеада и других философов школы Новой Академии, он ведет полемику со стоиками и другими представителями

<sup>6</sup> Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М., 1992. С. 78.

<sup>7</sup> Там же. С. 87.

<sup>8</sup> Там же. С. 70.

<sup>9</sup> Там же. С. 88.

фатализма и детерминизма. Он полагает, что существует свобода воли, разрушающая всеобщую последовательность причин и следствий. По его мнению, действия свободной воли не вызываются никакими внешними причинами; они полностью самопроизвольны. Поэтому их не могут предвидеть и, стало быть, предсказать ни люди, ни боги. Значит, боги не всеведущи: ведь знать наперед они могут только то, что с необходимостью из чего-либо следует, а действия свободной воли ни из чего не следуют. Такова, как мы уже видели, позиция Цицерона.

Но это еще не все: Цицерон относится к числу тех людей, которые считают, что и неодушевленная природа не полностью детерминирована. По его мнению, в природе существует не только необходимость, но и случайность, что и в природе то и дело бываю никакими внешними причинами не вызванные, спонтанные события. В трактате «О дивинации» читаем: «Ведь что имеют в виду, когда говорят, что нечто произошло случайно, по случайности, произвольно? Только то, что произошло, случилось нечто такое, что могло бы, пожалуй, произойти, случиться по-иному»<sup>10</sup>.

Приблизительно так определял случайность и Аристотель, который тоже полагал, что в природе существует не только необходимость, но и случайность. Философов, разделяющих подобную точку зрения, много. Можно, например, привести такое высказывание неоплатоника Прокла: «Действительно, нам не следует присоединяться к мнению тех, кто утверждает, будто все, появляющееся на свет, возникает как результат чего-то другого, выступающего в качестве его причины»<sup>11</sup>.

Подобно актам свободной воли, чисто случайные события, не имеющие никаких предшествующих причин, тоже дезорганизуют всеобщий порядок причин и следствий. Ясно, что невозможно ни предсказать, когда они появятся, ни предвидеть того, чем они окажутся. Этого, согласно Цицерону, не способны сделать ни люди, ни боги. Он пишет: «Нет ничего более противного разуму и постоянству природы, чем случайность. Мне кажется, что и сам бог не может знать того, что произойдет случайно и произвольно»<sup>12</sup>.

Как и Цицерон, Августин отвергает фатализм стоиков: наличие свободной воли у людей — одно из основных положений христианской религии. Только тогда, когда люди свободны, а не действуют, как автоматы, управляемые внешними причинами, они ответственны за свои поступки. Только тогда, когда люди свободны и полностью отвечают за свои поступки, Бог может заключить с ними завет; только тогда осмысленны и десять заповедей, и нагорная проповедь. Только в этом случае можно понять, что такое грех, и согласиться с тем, что наказание за грехи — дело справедливое; только в этом случае имеют смысл покаяние, подвижничество и надежда на спасение. Только в этом случае приобретает для христиан всю свою серьезность перспектива Страшного суда.

При всем том христиане не могут отказаться от положения о том, что Бог всеведущ. Они не могут согласиться с тем, что Бог может чего-либо не знать. В частности, они не могут согласиться с тем, что Богу не известны наперед результаты всех поступков всех людей. За то, что Цицерон отрицает тотальное предведение будущего Богом (богами), Августин его резко осуждает и обвиняет в святотатстве.

<sup>10</sup> Цицерон. *Философские трактаты*. М., 1985. С. 247.

<sup>11</sup> Прокл. *Комментарий к «Пармениду» Платона*. СПб., 2006. С. 553.

<sup>12</sup> Цицерон. *Философские трактаты*. С. 248.

Имеется ли возможность справиться с возникшей проблемой? Августин говорит, что такая возможность имеется. Он утверждает, что противоречие между предведением Божиим и человеческой свободой воли — лишь кажущееся, мнимое. На самом деле, то и другое совместимы. Иппонийский архиепископ пишет: «Мы утверждаем, что и Бог знает все прежде, чем оно совершается, и мы делаем по доброй воле все, что чувствуем и сознаем как действие со своей стороны добровольное. Но не говорим, чтобы все совершалось по определению судьбы; утверждаем даже, что судьбы нет вовсе. <...> Тот же вывод, якобы, если для Бога существует определенный порядок причин, то для выбора нашей свободной воли ничего нет, вовсе из этого не следует. Ибо и самая воля наша находится в порядке причин, который, как порядок определенный, содержится в предведении Божиим; потому что и воля человеческая представляет собою причину человеческих действий. А поэтому тот, кто знает наперед причины всех вещей, никоим образом не может не знать в числе этих причин и нашей воли, так как знает причины наших действий»<sup>13</sup>. Августин продолжает: «Поэтому мы нисколько не находим себя вынужденными ни отвергать свободу воли, допустив предведение Божие, ни отрицать (что нечестиво) в Боге предведение будущего, допустив свободу воли. Мы принимаем и то, и другое; и то, и другое исповедуем твердо и правильно. <...> Поэтому пусть далека от нас будет мысль, из желания свободы, отрицать предведение Того, при помощи Которого мы пользуемся или будем пользоваться свободой. Подобным же образом не напрасны и законы, и порицания, и увещания, и похвалы, и укоризны: Он знал наперед, что и они имеют быть, и тем большую они имеют силу, что Он знал наперед, какую они будут иметь силу. Имеют и молитвы силу для испрошения того, относительно чего Он знал наперед, что сдается на молитвы просящих. Справедливо также установлены награды за дела добрые и наказания за грехи. Ибо человек не потому грешит, что Бог знал наперед, что он согрешит; напротив, потому-то и не подлежит сомнению, что грешит именно он, когда грешит, что Тот, чье предведение обманываться не может, знал наперед, что не судьба, не фортуна и не иное что, а именно он согрешил. Если он не захочет, он, конечно, не согрешит; но и о нежелании его грешить Бог также знал наперед»<sup>14</sup>.

Анализируя сказанное Августином, нужно прежде всего согласиться с его правотой, когда он утверждает, что наша воля в определенном смысле находится во всеобщем порядке причин и следствий. Ведь не будет ошибкой сказать вместе с Августином, что «воля человеческая представляет собою причину человеческих действий». Но ясно, что результаты человеческих действий всегда включаются в общий порядок причин и следствий. Результаты человеческих действий, будучи следствиями человеческой воли, могут служить и, как правило, служат причинами каких-то определенных событий в окружающем нас мире, каковые, в свою очередь, порождают еще какие-то события, и т. д.

Получается, что всякое решение нашей свободной воли поступить так, а не иначе, является первопричиной некоторой цепочки вторичных причин и следствий. Оно является именно *первопричиной*, потому что само ни от каких причин не зависит. Но от него может зависеть многое. Например, решение Юлия Цезаря перейти Рубикон

<sup>13</sup> Блаженный Августин. О Граде Божием... С. 252–253.

<sup>14</sup> Там же. С. 258–259.

повело к тому, что через некоторое время республиканское правление в Риме пало и наступили времена императоров. Если бы Цезарь не решился перейти вышеупомянутую реку, римская история, возможно, была бы другой.

Или взять вышеприведенный «литературный» пример. Цирюльник Иван Яковлевич попросил себе на завтрак не кофия, а «горячего хлебца с луком». Это решение его свободной воли стало первопричиной длинной цепочки дальнейших причин и следствий. В повести сказано, что, получив хлеб, Иван Яковлевич взял в руки нож и, сделав значительную мину, принялся его разрезать. Разрезав хлеб на две половины, он поглядел в середину и обнаружил нос майора Ковалева. Дальнейшее известно. Однако вполне могло быть так, что свободный выбор Ивана Яковлевича пал бы не на хлеб, а на кофий. И тогда сюжет повести мог бы у Гоголя сложиться по-другому или совсем не сложиться.

Точно так же, как решения свободной воли, ведут себя чисто случайные события, происходящие в неодушевленной природе: они являются первопричинами различных причинно-следственных последовательностей. Августин насчитывает три разновидности причин. Он говорит, что есть «причина случайная, есть естественная, есть произвольная»<sup>15</sup>. Можно принять его типологию причин и сказать, что все в мире происходит либо в результате действия законов природы (естественных причин), либо в результате спонтанных стечений обстоятельств (случайных причин), либо в результате решений чьей-либо свободной воли (произвольных причин).

Перечисленные разновидности причин следует разделить на две группы. Первую группу составят естественные причины, во вторую войдут случайные и произвольные. Разница между этими двумя группами состоит в следующем. Результаты действия естественных причин мы всегда можем предсказать, если нам известны законы природы: ведь естественные причины существуют постоянно и действуют единообразно с незапамятных времен. Что касается случайных и произвольных причин, то ни одна из них не существует с незапамятных времен. Каждая из них возникает в определенный момент времени. Но предсказать, когда этот момент времени наступит, невозможно. Невозможно знать заранее, когда та или иная случайная или произвольная причина возникнет, когда и какие следствия за собой повлечет.

Результаты действия случайных и произвольных причин вписываются во всеобщий порядок причин и следствий только после того, как эти причины уже появились. Только после того, как произошел тот или иной случай, только после того, как было принято то или иное решение, только после того, как осуществилось все то, что они за собой повлекли, мы получаем возможность проследить во всех деталях соответствующие причинно-следственные цепочки. Последние заметны только тогда, когда наш умственный взор направлен в прошлое. Если же он направлен в будущее, то в отношении случайных и произвольных причин, имеет место полная неопределенность.

Возьмем пример Аристотеля: завтра будет морское сражение. Сегодня нельзя сказать, будет оно или не будет, так как никаких оснований для того, чтобы предпочесть одну возможность другой, не существует. Но вот наступает завтра, а затем и следующий день. Завтра и послезавтра я уже могу точно сказать, какая из возможностей

---

<sup>15</sup> Там же. С. 253.

осуществилась. Допустим, что по воле случая и по воле флотоводцев морское сражение произошло. Оно стало фактом, и этот факт породил многие и весьма важные для участников сражения последствия. Сам данный факт и вся вызванная им последовательность причин и следствий вписываются во всеобщий причинно-следственный порядок, начиная с того дня, в который он произошел.

Если факт произошел, то его уже нельзя отменить; он стал таким же необходимым, как любой закон природы. Недаром мы говорим о «необходимости свершившегося факта». В широком смысле слова все, что уже находится в настоящем или в прошлом, необходимо.

Когда из своего настоящего я устремляю свой взор в прошлое, оно предстает передо мной как бы застывшим и окаменелым. Все в нем определено и неизменно; все в нем необходимо. В принципе все в нем во всех деталях и до конца познаваемо. Если иметь достаточно мощный ум, то в прошедшем можно усмотреть сколь угодно много естественных, случайных и произвольных причин и проследить сколь угодно много следствий, которые они за собой влекут.

Снова обратимся теперь к предведению Божию. Если мы еще раз внимательно прочтем то, что говорит о нем Августин, то нам станет ясно, как понимает дело епископ Иппонийский: Бог потому знает все наше будущее, что смотрит на него с конца всего нашего времени. Он смотрит на все, находясь в последнем мгновении потока нашего времени. Последнее мгновение застыло и стало вечным, непреходящим настоящим; в нем и пребывает Бог. Поток иссяк, время закончилось, наступил Конец света и «небо скрылось, свившись как свиток». Но Бог вечен, Он обитает в вечности и созерцает все *sub specie aeternitatis*. Наша история открыта Ему вся целиком, от первого ее мгновения до последнего. А если смотреть на нее, находясь в последнем ее мгновении, то она представляет собой одно только во всех деталях определенное, неизменное и в широком смысле слова необходимое прошлое. В ней нет и следа неопределенного и непредсказуемого будущего. Она закончилась и окаменела.

Если так, то неудивительно, что Бог с Его бесконечным умом, с Его всеведением, знает все подробности нашей истории. Бог стоит у ее конца, но мы находимся в ее середине. Поэтому, с нашей точки зрения, Он *предвидит* наше будущее, постольку поскольку для нас оно еще не наступило. Однако для Него оно как бы уже наступило и сделалось прошлым; поэтому говорить о предведении Божиим как о предвидении будущего с полным правом могут лишь существа, пребывающие в потоке времени, а не за его пределами.

Вот что пишет по этому поводу Северин Боэций, занимающий по интересующему нас вопросу позицию, весьма близкую к позиции Августина. В трактате Боэция «Утешение Философией» мы читаем: «Так как всякое суждение охватывает то, что ему подчинено по закону природы, а Бог — вечен и сохраняет состояние, в котором, кроме настоящего, нет ничего, то и знание Его, превосходя движение времени, пребывает в простоте Его настоящего, содержит в себе в совокупности бесконечную протяженность будущего и прошедшего, и все это Бог обозревает в непосредственности Своего знания, как если бы все это происходило в настоящем. Итак, если ты желаешь понять изначальное бытие, которое все знает, более правильно будет определить его знание не как предзнание будущего, а как непогрешимое знание нескончаемого на-

стоящего. Вследствие этого его лучше называть не предвидением, но Провидением, которое все от самого низкого до высочайшего обзирает с высоты»<sup>16</sup>.

Видим, что Боэций трактует вечность как нескончаемое, непреходящее настоящее. Находясь в вечности, в которой кроме непреходящего настоящего ничего нет, Бог обзирает всю нашу историю от начала до конца, всю протяженность ее будущего и прошедшего. Исходя из этого, знание Богом нашего будущего, по мнению Боэция, лучше не называть предвидением.

Желая разъяснить всю суть дела, Боэций высказывает убеждение в том, что «божественное предзнание не изменяет природы и свойств вещей, оно только в своем настоящем видит все таким, каким то станет в будущем, и не выносит о вещах неясных суждений, но одним взором своего разума распознает, что произойдет в будущем — будь то по необходимости или нет. Так, вы, когда видите идущего по земле человека и восходящее на небе солнце, хотя и воспринимаете их одновременно, однако оцениваете их по-разному, считая первое действие произвольным, а второе — необходимым. И божественное прозрение, во все проникающее, не изменяет сущности вещей, которые для него всегда настоящи, а относительно времени — будущи; отсюда следует, что, когда Бог знает, что нечто должно будет произойти в будущем, и знает, что оно лишено необходимости существования, то это не предположение, но обоснованное знание истины»<sup>17</sup>.

Знание это обосновано следующим: «Ведь существует два вида необходимости — одна простая, как например, необходимость того, что все люди смертны; другая — условная, как, если ты знаешь, что кто-то в настоящий момент ходит, то необходимо, чтобы он ходил. Ибо то, что познано, не может быть иным, чем как оно познано. Но эта условная необходимость не влечет за собой простой необходимости, так как она зиждется не на собственной природе, а творится приходящими условиями. Никакая необходимость не заставляет идти идущего, хотя, когда он идет, необходимо, что он идет»<sup>18</sup>.

Здесь Боэций простой необходимостью называет природную, естественную необходимость, условной же необходимостью он именует то, что мы обычно зовем «необходимостью свершившегося факта». Условной необходимостью обладают следствия случайных и произвольных причин, если воспользоваться терминологией Августина. Бог, взирая на нашу историю с ее конца, т. е. из своего вечного настоящего, не предположительно, а абсолютно достоверно знает все ее факты в силу того, что каждый из них совершился либо будучи обоснован простой необходимостью, либо будучи вызван необходимостью условной.

Как и Августин, Боэций считает, что предведение Божие никак не ущемляет человеческую свободу воли. Он пишет: «Таким же образом, если Провидение видит что-нибудь существующим, бытие этого является необходимым, хотя бы в природе его не содержалось никакой необходимости. Бог на то будущее, что зависит от свободы воли, смотрит как на существующее, но оно только относительно божественного видения является необходимым по условию природы божественного знания; рас-

<sup>16</sup> Боэций С. «Утешение Философией» и другие трактаты. М., 1990. С. 287–288.

<sup>17</sup> Там же. С. 288.

<sup>18</sup> Там же. С. 289.



смотренное же само по себе относительно своей природы, оно не теряет своей неограниченной свободы. Без сомнения, будет существовать все, что Бог предзнает как будущее, но кое-что из этого зависит от свободы воли. Таким образом, некоторые события хотя и произойдут в будущем, однако не утрачивают своей природы, поскольку до того, как они произошли, могли и не произойти. <...> Возьмем уже предложенный нами ранее пример: восходящее солнце и идущий человек, когда они совершают действия, не могут их не совершать, но для солнца действие было необходимым еще до того, как оно начало свершаться, а для человека — нет»<sup>19</sup>.

Вывод Боэция таков: «Следовательно, остается в неприкосновенности свобода воли смертных, и справедливы законы, определяющие меру наград и наказаний, так как человеческие желания не связаны с необходимостью. — Ведь существует же Бог, наблюдающий все свыше и все предзнающий: он охватывает взором, всегда и извечно, как настоящие, наши будущие деяния, определяя добрым награды, а дурным — наказания. Не пусты надежды на Бога и молитвы, ибо если они искренни, не могут остаться безответными. Поэтому отвернитесь от пороков, заботьтесь о добродетели, устремите свой дух к праведным надеждам, вознесите к небу смиренные молитвы»<sup>20</sup>.

С христианской точки зрения наше время конечно. Оно начинается в первый день творения и заканчивается в день Страшного суда, в день Конца света. Вот как описывается Конец света Иоанном Богословом в его «Откровении»: «И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь. И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои. И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих»<sup>21</sup>. И вот, конец нашего света наступил. «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет»<sup>22</sup>. Таким образом, Страшный суд осуществляется уже за пределами *этого* света, за пределами нашего времени. В день Страшного суда происходит воздаяние всем людям за их поступки. Чтобы Страшный суд был справедлив и праведен, Богу необходимо знать все без исключения поступки всех людей. Из вышесказанного видно, что коль скоро время конечно, Ему узнать их легко.

Как известно, Бог позиционирует себя в Писании не только как праведный Судья. Он активно вмешивается в дела нашего мира. Описаны многочисленные богоявления. Бог являлся людям лично, обращался к ним через посредство своих пророков и ангелов, являлся им во сне и т. п. Читая Священное Писание, мы следим за тем, как Он предписывает людям правила поведения, дает им обещания, заключает с ними заветы, предупреждает их о грозящих им опасностях, помогает им в их личных делах.

Таким образом, Бог — это не просто судья, беспристрастно созерцающий нашу историю и отделяющий, исходя из результатов этого созерцания, онов от козлиц, но и ее активный участник. Если можно так выразиться, Он историческое Лицо. И ничто не мешает Ему пребывать и в вечности, и во времени. Во времени Он пребывает

<sup>19</sup> Там же.

<sup>20</sup> Там же. С. 290.

<sup>21</sup> Откровение ап. Иоанна Богослова (Апокалипсис). 6, 12–14.

<sup>22</sup> Там же. 21, 1.

в качестве Существа, обладающего свободной волей и совершающего ничем не вынужденные поступки. В этом Он подобен людям и ангелам; точнее: в этом они подобны Ему. Единственное, что отличает Его в данном отношении от людей и ангелов, так это то, что результаты всех Его поступков Ему не предположительно, а доподлинно известны. Но это не препятствует Ему действовать свободно, поступать в соответствии со Своей свободной волей.

Как и мы, Он принимает решения и приводит их в исполнение. При этом, как и мы, Он может принять решение, а потом отменить его. Чтобы показать, что такое бывает, возьмем пример, который почти всегда приводят, когда хотят убедить кого-либо в том, что кающиеся и подвиги не бесполезны. В Библии сказано, что однажды Бог решил наказать жителей Ниневии за их грехи. Через пророка Иону Он сообщил ниневитянам: «Еще сорок дней и Ниневия будет разрушена! И поверили Ниневитяне Богу, и объявили пост, и оделись во ветища, от большого из них до малого»<sup>23</sup>. Царь Ниневии повелел своим подданным «обратиться от злого пути своего и от насилия рук своих». Царь подумал: «Кто знает, может быть, еще Бог умиласердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем»<sup>24</sup>. И его надежда на милосердие Божие не была напрасной: «И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел»<sup>25</sup>.

Допустим, что шахматист, хорошо просчитав все варианты, точно знает, что в любом случае выиграет партию; тем не менее он продолжает делать ходы до той поры, пока не доведет ее до победы. Так же точно и Бог: Он ведет в нашей истории Свою игру, и, несмотря на то, что видит из Своего вечного настоящего, ее результат, продолжает делать Свои ходы.

Для людей важно то, что Он ведет Свою игру как свободная личность и обращается с людьми как со свободными личностями. Это значит, что Его можно о чем-то просить, Ему можно молиться. Можно надеяться на то, что Он поможет, что Он откликнется на просьбы, несмотря на то, что всеведущ и знает все наперед. Подобно царю Ниневии, можно надеяться на Его милосердие, на то, что грехи будут отпущены и наказание за них отменено.

Находясь в Своем вечном настоящем, Бог все знает обо всех Своих поступках, точно так же, как мы знаем о своих уже совершенных поступках. Но это знание никак не влияет на то, что поступки Свои Он совершает в соответствии со Своей свободной волей. У Августина сказано: «Он знал наперед, что сдается на молитвы просящих». И ясно, что для просящих важно не то, что «Он знал наперед», а то, что Он «сдается» на их молитвы.

---

<sup>23</sup> Книга пророка Ионы. 3, 4–5.

<sup>24</sup> Там же. 3, 9.

<sup>25</sup> Там же. 3, 10.